

Николай

Алешков

МИРА КРУТИТЬ ЖЕРНОВА

* * *

Что ж, поваляться на сене
рад я, покуда тепло.
Кроны берёз предосенних
солнце уже обожгло.

Не ухватиться за лето
роще в прощальном огне.
Вечная тема поэта
снова стучится ко мне.

Ветер багряное знамя
вскинет, листвою шурша.
Много об осени знает,
встав на пороге, душа.

Есть в красоте увяданья
отзвуки горестных тем.
Мир обещает свиданье
будущим летом не всем...

* * *

Трава, прибитая морозцем,
похрустывает под ногой.
И чаги тёмные наросты
мелькают в рощице нагой.
И небо с отблеском металла
глядит в покорные глаза
берёз. Давно ли в них метала
и гром, и молнии гроза?
И, выворачивая корни,

валил подружек ураган...
Кричали гуси, ржали кони
и выл из будки пёс Полкан.
В избе у камских побережий
молилась мать, целуя крест.
А сын, неожиданный гость приезжий,
не узнавал знакомых мест.
И мнилось сыну – этой роще
в любую стынью, в любую грязь
и тяжелее жить, и проще,
с небесной волею мирясь...
Утихнет ветер – зимний, хлётский.
Весной воскреснет мир живой,
и зашумят опять берёзки
своей окрепшею листвою.
О чём же Господу молиться
под солнцем или под луной,
коль неизбежное случится
с природой, с вами и со мной?
О чём молчат и лес, и Кама,
а журавли кричат, трубя?..
О чём твоя молитва, мама?
– Я, сын, молилась за тебя...

* * *

Уж листья ржавые стряхнули
дубы. Их ветер подхватил
и то ли гвозди, то ли пули
в суглинок ливень вколотил.
И по исхлётанной дороге
вода катилась, пузырясь,

и на родительском пороге
я ждал, когда просохнет грязь.
А осень, ветренная дама,
всё хохотала надо мной:
«Герой! Сиди уж лучше дома,
покуда непогодь стеной»...
Куда рвалась, о чём томилась
моя душа... давным-давно?
Исход один. Скажи на милость –
не всё ль равно?
Наверно, верил – не случайно
там, за дождём, в туманной мгле
когда-нибудь открою тайну,
зачем я нужен на земле.

* * *

Под скрип гусяного пера
я написал стихи вчера.
Включил сегодня ноутбук,
а на экране – Пушкин вдруг.

Век девятнадцатый вполне
созвучен Пушкину и мне.
А в двадцать первом... жёсткий диск
«накрылся» под цыплячий писк.

* * *

Вне времени – ни летом, ни зимой –
на грани чуда пересотворенья
лишь после смерти я вернусь домой –
туда, где жил когда-то до рожденья.

И буду ждать, томиться в том раю,
на той далёкой Млечной переправе –
куда же в этот раз печаль мою
рука Отца Небесного направит.

ЛУКОМОРЬЕ

Между сосен тропинка лесная
в Лукоморье зовёт, на траву.
Что такое свобода – не знаю,
я по воле небесной живу.
Это облако белое – чудо!

Все ли реки впадают в моря?
– Мама, мама, я взялся откуда?
Улыбается мама моя...
Мне б увидеть любимого брата!
Брат играет – гармошка поёт.
В смерть не верю,
Есть точка возврата.
В детство выбегу я из неё...

* * *

Памяти брата Саши

Только услышу – гармонь заиграла,
сердце на миг встрепетётся в груди...

Лёгкое пёрышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет и снова... приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке –
праздник престольный,

Кузьма и Демьян¹.

Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет, не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки –
до горизонта, до самой реки...
Вдруг – из района товарищ. Вопросы:
– Что за гулянка?

Ответят ему:

– Это Орловка вернулась с покоса,
с дальних лугов аккуратно на Кузьму.
Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полыньёю горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
– Мы победили! –

сквозь слёзы кричит. –

Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не даёт!
Мы-то живые... Другим невезуха –
тем, кто с войны никогда не придёт.

¹ Именем святых бессребренников Космы и Дамиана наречена церковь в моём родном селе. – *Авт.*

На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю, заживёт...

Русская песня, дороженька в небо,
только услышу – зовёт и зовёт.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЕЙ МАМЕ

От зимнего солнца закапало с крыши
уютного домика бабы Мариши.
С карниза сосульки висят, как свирели.
С них в марте капли всюду зазвенели,
а к бабе Марише скворцы прилетели,
уселись на крыше...

И внук её, Юрка, беспечен и весел,
на старой рябине скворечник повесил.
Мариша и рада – чирикают пусть
и в дом не пускают унынье и грусть.
Хоть место известно на сельском
погосте,
ещё в домовину не просятся кости.
Из города – видишь –
нагрянули гости:
три сына, две дочери – мама,
встречай!
В твоём самоваре – особенный чай.

Все взрослые стали. И хлеба не просят.
Мариша смеётся: «Наверно, не бросят.
Видать, пятерых поднимала не даром...»
А Юрка: «Бабуля, следи за базаром,
ты самая главная в нашем роду!»

На яблонях почки набухли в саду...

Найдут сыновья молоток да топор
починят калитку, поправят забор.
А в горнице снохи – и хохот, и топот –
пельменей настряпают, баньку натопят.
Румяны бабёнки, румяны блины!
Сто лет бы жила – от весны до весны...

* * *

Майским гостинцем раскинулся день,
солнце светило.
Чистый источник над речкой Кирмень
ты не забыла?
Он по-весеннему радостно пел
струями всеми.
Падало в землю, как пахарь велел,
доброе семя.
В зелени трав голубели цветы –
сёстры и братья.
Нежным цветком открывалась и ты
нашим объятьям.
Ты не монахиня, я озорник,
парень не промах!
Пел о любви благодатный родник
в буйстве черёмух!

